

АНАМНЕЗ ДОКТОРА ГААЗА

ЗАПОВЕДИ «СВЯТОГО ЧЕЛОВЕКА»,
КОТОРОГО ПРОВОЖАЛИ В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ 20 ТЫСЯЧ МОСКВИЧЕЙ

С

Смешной, нелепый, чужак? Настырный, вечно домогающийся добра своими просьбами, утомивший всех? Но будут помнить именно его, потому что он не только рассуждал, но и строил, лечил, творил тепло тысячами дел, тысячам людей — со всей страстью, с фанатизмом человека, призванного быть добрым.

Таких немного — тех, кто добросердечен всегда, кто никогда и ни на кого не может поднять руку, кто действует не для себя, а для всех. Их совсем немного, может быть, пять из ста или даже пять из тысячи, но они есть, они дают нам то, что редко дается, — свою любовь, не избранную, не отдельную к отдельным, а просто любовь, потому что я, мы, они — люди, и, значит, нас нужно любить.

Так жил Фридрих Гааз, в России — Федор Петрович Гааз.

*1

Е. Самокиш-Судковская. Доктор Гааз осматривает ребенка. 1904 год.

Памятник нерукотворный

Он появился на свет на 19 лет раньше Пушкина, ушел на 16 лет позже и никогда с ним не пересекался, хотя мог бы это сделать в Москве, где обитал с 1806 года, будучи увлечен туда семейством Репниных за 2000 руб. жалованья, когда вылечил свою ровесницу, 26 лет, княгиню Репнину от «мучительной болезни глаз», с которой никто больше не мог справиться¹. Был он

ОН СОВЕРШИЛ СТО ТЫСЯЧ ДЕЛ, КАЖДОЕ ИЗ КОТОРЫХ ЗАСЛУЖИВАЕТ ПАМЯТИ, И УМЕР С ДОЛГАМИ, ПОХОРОНЕННЫЙ ЗА ЧУЖОЙ СЧЕТ. НО В МОСКВЕ ВСТАНЕТ ПАМЯТНИК ЕМУ НА НАРОДНЫЕ ДЕНЬГИ

к тому времени выпускником сразу двух университетов (Иены и Геттингена — философия, математика и медицина) и, будучи рожден в Германии в зажиточной семье, между многих братьев и сестер, тем не менее увлекся и отправился — себе на голову — в далекую и романтическую страну.

В страну Россию.

Там он немедленно выучил русский язык вдобавок к своим латыни, греческому и французскому (на нем он писал книги), стал модным доктором, разбогател, купив себе дом на Кузнецком мосту, поместье с готической усадьбой в Тишках под Москвой (ныне Тишково, усадьба не сохранилась), построил там суконный завод и зажил припеваючи.

И быть бы ему одним из многих частных докторов и, скорее всего, мы бы о нем никогда не вспоминали, но вдруг, год от года, в нем стала брать власть любовь — просто к людям, просто к каждому из нас, к служению для всех. И он полностью, со временем, ушел в это служение, растеряв и растратив для всех, для «благотворения», все, что накопил. Совершил сто тысяч дел, каждое из которых заслуживает памяти, и умер с долгами, будучи похороненным за чужой счет.

Так что же он совершил? За что в Москве стоит ему памятник (1909 год) за народные деньги?

Начало добрых дел

Откроем счет.

1806 году — офтальмолог, известен тем, что вылечивает то, что не могут другие.

В 1807 году, ему 27 лет — главный доктор (врач) московского госпиталя имени императора Павла I². Это первая публичная больница России, существует и сегодня.

1809 — 1810 годы, 29 лет — прямоком на

Кавказ, бродить, найти, изучить десятки источников минеральных вод, открыть новые, совершить массу опытов и измерений. Что в итоге? Большая справочная книга «Мое путешествие на Александровские воды», под 400 страниц. Зачем все это? «Стремление облегчить муки других»³. В Пятигорске или Ессентуках вспоминайте, пожалуйста, доктора Гааза — он стоял в самом начале этого великолетия.

1814 год, 33 года — врач в действующей армии, добрался до Парижа. Резать, выхаживать, спасать! А затем вновь частная практика, модный врач в Москве, «по тогдашней моде, цугом в карете, на четырех белых лошадях»⁴. Местная знаменитость! А что с публичным долгом? Все в порядке — в Москве эпидемии, он в первых рядах.

А дальше — развилка в жизни. Быть частным, модным, или служить для всех. Он выбрал служение. Случилось ли это потому, что он глубоко веровал (католик), и имя Христа не сходило у него с губ? И да, и нет. Есть те, кто, веруя, творят зло. Он же был добр по сути своей, он был чрезвычайно деятелен в любви про-

² Федор Петрович Гааз (1780—1853).

³ Павловская больница. 1900-е годы.

ступников, разлученные семьи, в холоде, в грязи, без различия тех, кто болен и кто здоров, в толпах, ибо были нарушены все нормы общежития, в насилии, в существовании почти животном и, самое главное, — без права на милосердие, на помощь, на хотя бы ничтожное внимание к тебе.

Изо дня в день Гааз шел в камеры, шел на пересылку, чтобы быть в помощь. Просто — в помощь, без всяких условий, по долгу, по братству человеческому, ибо осужденный человек тоже человек. Выслушать, не дать семьям разлучиться, выгнать из толпы больных, подлечить их, найти и оставить в Москве хотя бы ненадолго слабых, дать им хотя бы малейший шанс набрать силы, ибо впереди был пеший переход в Сибирь, который выдержать они бы не смогли.

«Многие ссыльные идут по Сибири почти год»⁴. Расстояние из Москвы до Тобольска в километрах (не в верстах) — больше 2 тыс., до Нерчинска — больше 6 тыс.

Его любили. Любовь эта была народной. Она не позволяла его обидеть. Когда он умер, его провожали 20 тысяч человек. Государственная машина изнемогала от его прошений,

сто к человеку. Такая доброта — не больше чем у 5% человечества. «Быть доктором Гаазом» доводится лишь единицам.

Так началось служение.

В 1825 году, в 45 лет назначен штатд-физиком (главным врачом) Москвы. Пытался: а) создать скорую помощь, б) набить Москву койками, в) наладить оспопрививание — во всем отказано⁵. Соосновал глазную больницу №1 в Москве (была жива еще недавно).

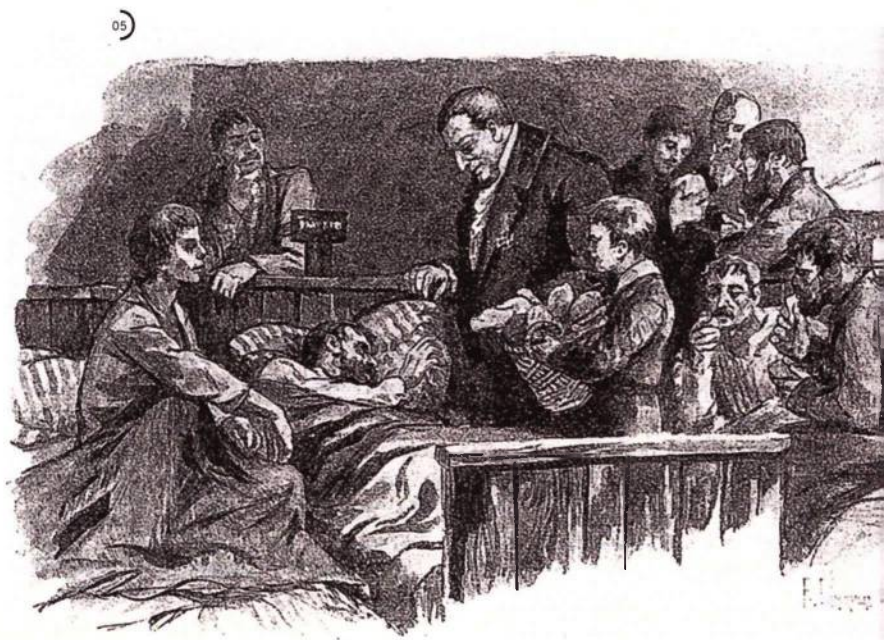
А через год, в 1826 году, подал в отставку, ибо справиться с аппаратными играми и доносами было невозможно. Тратил на больницы, аптеки и склады сколько мог и не мог. Сражался с нехватками всего и вся в московской медицине. Забрасывал инстанции прошениями! А потом еще судился 19 лет (законность его расходов) и все суды выиграл.

Ну и что? Мало ли таких докторов, честных, приличных, знала Россия? В чем все-таки святость Гааза (его называли «святым доктором») и радость для нашего общества?

Что ж, необыкновенная история доктора продолжается.

Сладость для пересыльного

На дворе — 1828 год, ему 47 лет. Гааз вдруг оказался главным врачом московских тюрем и секретарем Попечительного о тюрьмах комитета, весьма влиятельного общества во главе с генерал-губернатором Москвы, кн. Голицыным. Если и был ад на земле, то это были московские тюрьмы и пересылка. Смещение полов, невинных и осужденных, беглых и пре-

⁴ Н. Осташев. Федор Петрович Гааз раздает книги арестантам. 1860—1880-е годы.

⁵ Е. Самокиш-Судковская. Доктор Гааз осматривает пациентов-крестьян. 1904 год.

просьб, его самовольных действий, она воевала с ним, когда он спасал, вытаскивал из толпы тех, кто не может выдержать тысячекilометровый, адский путь в Сибирь. Он открыл «полицейскую больницу» в усадьбе Нарышкиных (и ныне там медицинское учреждение), через нее прошли десятки тысяч человек. Он добился переустройства «Московского тюремного замка» на Воробьевых горах (пересыльная тюрьма), разделил арестантов по полу (этого не было), намного улучшил их питание, условия жизни, создал школу для детей арестантов, его стараниями был построен Рогожский полуэтап на окраине Москвы (отдохнуть перед Влади-

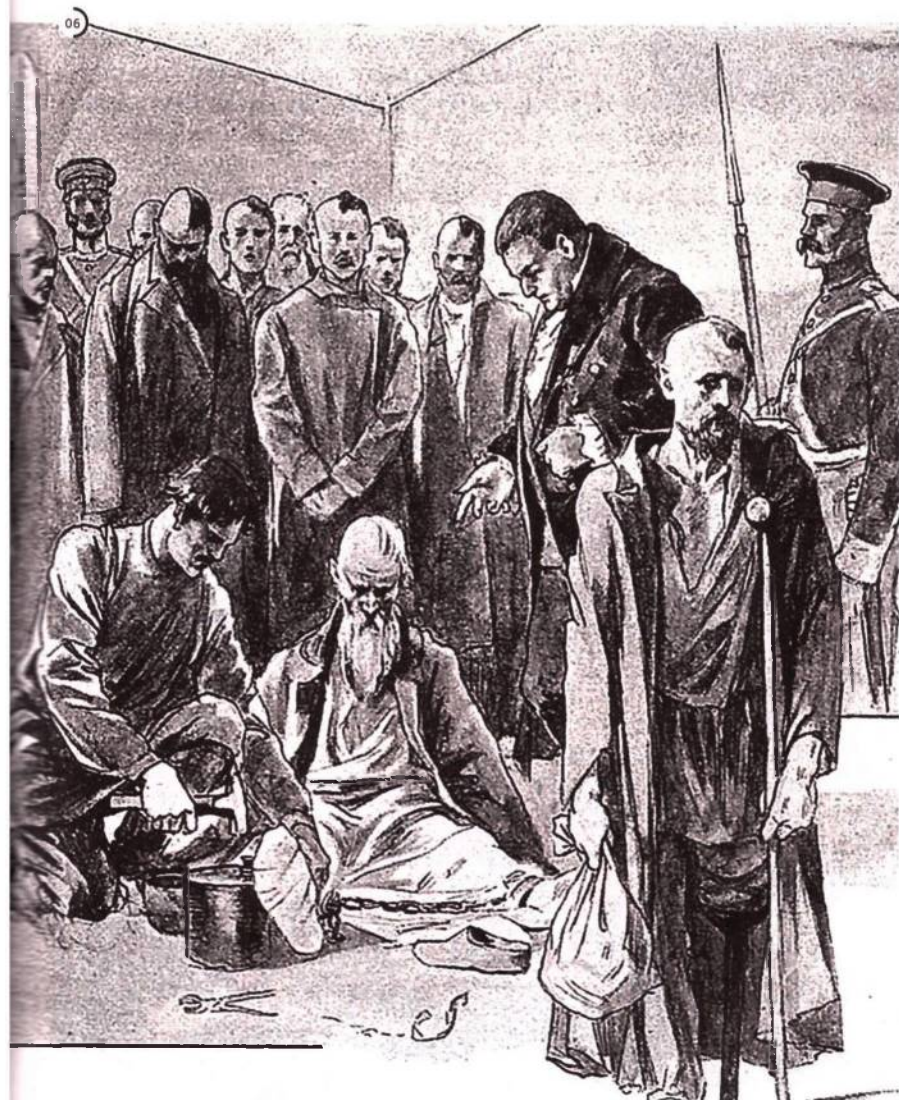
миркой). Переустроил Старо-Екатерининскую больницу, сначала арестантскую (для Бутырской тюрьмы), потом для чернорабочих.

Там же врачевал и жил при ней в каких-то комнатках.

Он был бесконечно доступным. «Днем Гааз объезжал тюремные больницы и почти ежедневно ездил на Воробьевы горы, — обязательно накануне и в день отправки партий»⁷. Он тот, кто выслушает, последняя надежда осужденного, последнее человеческое внимание, которое может быть оказано перед уходом почти в никуда — на бескрайние просторы, на восток, в Сибирь. Тот, кто может попытаться соединить семьи, детей с родителями, жен с мужьями, дать дожидаться последнего свидания с родными перед уходом в Сибирь. И часто именно он — последняя возможность утешения от мира естественного, обычного — он мог обнять человека, поцеловать страждущего, сделать так, чтобы тот прислонился к нему или ребенок, уходящий с родителями в никуда, мог бы засмеяться. Он задаривал пересыльных сладостями, говоря, что хлеб потом им каждый подаст, а вот этого у них в жизни уже не будет.

ИМЕННО ОН — ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА УТЕШЕНИЯ ПЕРЕСЫЛЬНЫХ. ГАЗ ЗАДАРИВАЛ ИХ СЛАДОСТЯМИ, ГОВОРЯ, ЧТО ХЛЕБ ПОТОМ ИМ КАЖДЫЙ ПОДАСТ, А ВОТ ЭТОГО У НИХ В ЖИЗНИ УЖЕ НЕ БУДЕТ

⁰⁶
Е. Самокиш-Судковская. Иллюстрация к книге А. Кони «Федор Петрович Гааз. Биографический очерк». 1904 год.

⁰⁷
Доктор Гааз просит генерал-губернатора об облегчении участи осужденных.

⁰⁸
Доктор Гааз испытывает легкие кандалы.

ОН ПРИДУМАЛ ЛЕГКИЕ КАНДАЛЫ, ЗАСТАВИЛ ОБШИВАТЬ ИХ КОЖЕЙ, ИХ СТАЛИ НАЗЫВАТЬ «ГААЗОВСКИМИ». ЗА ОДНО ЭТО СТАВЯТ ПАМЯТНИКИ

Свидетельство арестанта Достоевского

Дом на Кузнецком мосту, имение, суконная фабрика — все это потихоньку разорилось, было продано или пущено с молотка. «Дорогие рысачи были заменены клячами, а барский экипаж — обветшалой таратайкой»⁸. Одежда — поношенная, по старой моде, залез в долги, раздавая подавничья налево и направо, а в ответ — любовь, чистая истинная любовь к нему, боязнь обидеть. И слава — каждый арестант, каждый ссыльный или каторжник в России знал, что есть заступник, человек божий — доктор Гааз.

А вот и свидетель — Достоевский, он сам прошел через пересылку в Москве (1849 год):

«В Москве жил один старик, один «генерал», то есть действительный статский советник, с немецким именем; он всю свою жизнь таскался по острогам и по преступникам... Он делал свое дело в высшей степени серьезно и набожно; он являлся, проходил по рядам ссыльных, которые окружали его, останавливался пред каждым, каждого расспрашивал о его нуждах, наставлений не читал почти никогда никому, звал их всех «голубчиками». Он давал деньги, присылал необходимые вещи — портянки, подвертки, холста, приносил иногда душещепательные книжки и оделял ими каждого грамотного... Все преступники у него были на равной ноге, различия не было. Он говорил с ними, как с братьями, но они сами стали считать его под конец за отца... Так поступал он множество

лет, до самой смерти; дошло до того, что его знали по всей России и по всей Сибири, то есть все преступники»⁹.

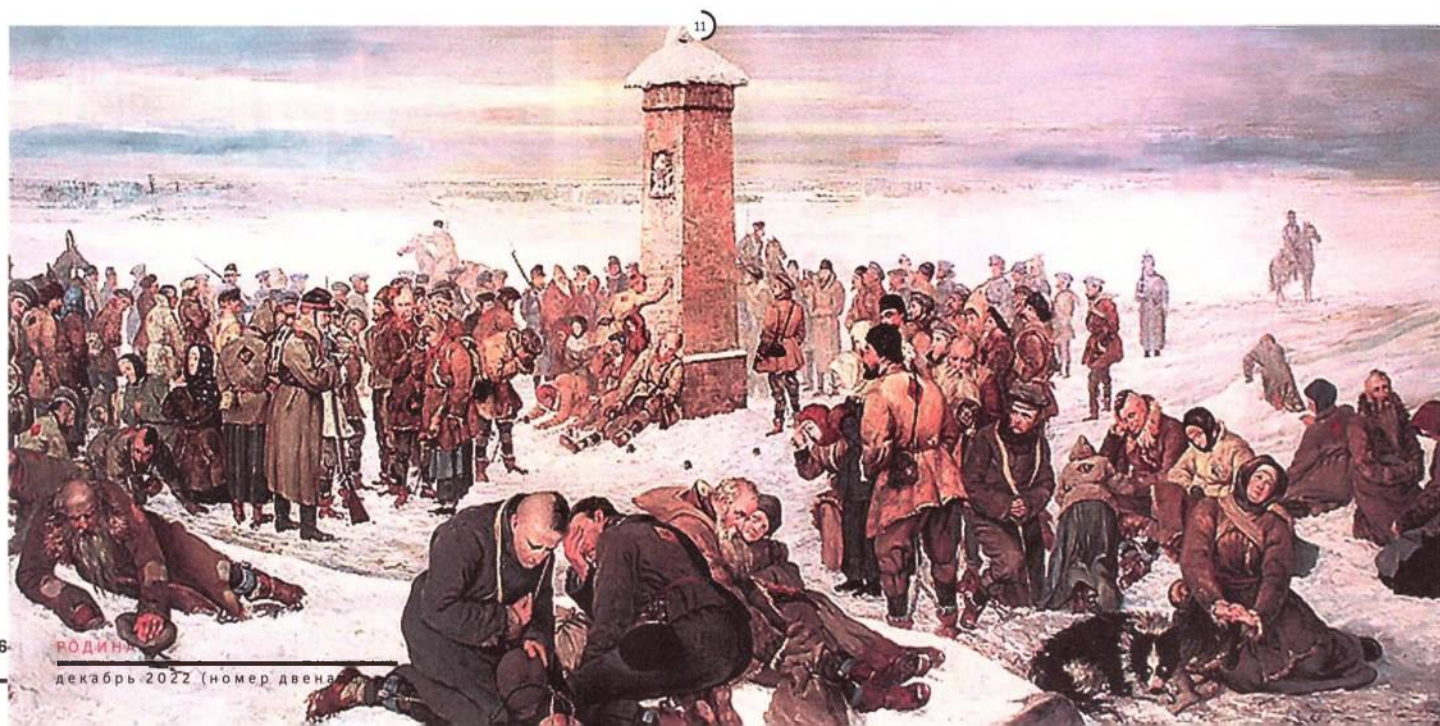
26 лет, целых двадцать шесть лет, он поступал именно так, до самого своего ухода в 1853 год. Он придумал легкие кандалы, заставил обшивать их кожей, их стали называть «гаазовскими». За одно это ставят памятники — Бог знает сколько людей умерло на просторах Сибири от тяжелейших кандалных цепей, от цепей с укороченным шагом, когда идти невозможно, от того, что их всех, без разбора, сильных и слабых, здоровых и больных, приковывали к железному пруту в их тысячекilометровых пеших переходах, создавая — для людей на пруте — муку невыносимую. Он сделал всё, чтобы убить прут, замучить госаппарат своими требованиями и прощениями, пока прут не убьют, не уничтожат на всем пути в Сибирь.

Лучше дать слово самому доктору Гаазу. Пусть он сам скажет нам, почему все это делал.

¹¹ Краткий отдых по дороге в ссылку.

^{9, 10} Медаль, посвященная доктору Гаазу, и памятник ему в Москве.

¹² Е. Самокиш-Судковская. «Все розданное другим — остается с тобой».

ФЕДОР ПЕТРОВИЧ ГАЗЗ — НАМ

— «Жизнь... столь прекрасна и дорога для людей; она такова потому, что человек... является условием, без коего не совершается в мире ничего великого и прекрасного»¹⁰.

— «Облекитесь... в милосердие, благость... кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно... Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства»¹¹.

— «Во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними»¹².

— «Радуйтесь!»¹³ Человек создан, «дабы он был счастлив»¹⁴. Мы призваны «рассеивать вокруг себя счастье». «Величайшее счастье заключается в том, чтобы делать с удовольствием все, что мы должны делать»¹⁵.

— «Стремиться победить зло добром»¹⁶.

— «Торопиться делать добро». «Делать добро скромно, не тщеславясь и стараясь как можно меньше тратить на себя». «Кто не может проявлять своей любви в больших и крупных делах, пусть проявляет хоть в малом». Приобрести привычку к добру»¹⁷.

— «Что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что только добродетель и достойно похвалы, о том помышляйте»¹⁸.

— «Блаженны миротворцы, ибо они помилованы будут» (Матфей, V) ...Какое жалкое и мучительное зрелище представляют нам распри между людьми, которые по самому свойству своей природы должны быть едины мыслью и волей... Не призрочно ли счастье таких людей, и не стоят ли они на краю вечной гибели?»¹⁹.

— «Мыслимо ли предположить,

чтобы человек мог хладнокровно и сознательно причинять мучительное горе, заставляющее еще при жизни пережить тысячи смертей. Как предположить, что человек сознательно хочет разбить сердце...?»²⁰.

— «Прощение порождает любовь. И нужно много, много прощать, чтобы было много любви». «В милосердии и снисхождении... мы можем достигнуть совершенства, приближающего нас к Богу». «Всегда прощать врагам и платить добром за причиняемое нам зло»²¹.

— «Нужны усилия, чтобы победить то противодействие добру, которое существует в каждом из нас»²². «Без жертв нет возможности... сделать что-нибудь доброе». Все потраченное на себя — потеряно, все розданное другим — остается с тобой. «Настоящей нашей собственностью остается только то, что мы раздаем»²³.

— «Привыкнуть с пользой употреблять каждую минуту... Избегая бес-

полезных трат и пустых занятий... несколько продолжить свою жизнь и сделать многое, что другие сочтут невозможным»²⁴.

— «Самые обширные знания, самый тонкий ум, самая глубокая проникаемость и то, что придает истинную цену и венчает любое качество человека, добровольное стремление направить все имеющиеся знания и средства на облегчение мук страждущих, возрастающее до способности пожертвовать собой ради этой цели, — вот что должно быть свойственно настоящему врачу. Именно о таком человеке можно сказать вместе с Гомером: «Врач, помогающий людям, стоит большего, нежели любой другой человек», ибо человек, носящий звание врача, есть самый достойный из людей».

Но мы, члены святого братства, отвергаем продажных людей, которые, ...нарушая свой долг, жертвуют спасением больных ради своего тщеславия и алчности»²⁵.

Вот мы и услышали Федора Петровича.

Он всё сказал о себе — и всё сказал для

нас. Любите, берегите, не раскаивайтесь в доброте, спасайте, прощайте и думайте — думайте о каждом, что можно ему сделать в радость, чтобы облегчить его жизнь. И воздастся вам жизнью истинной, настоящей, когда вас любят — любят бездумно, просто потому, что вас нельзя, невозможно не любить.

1 Копелев Л.С. Святой доктор Федор Петрович. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. С. 16-18.

2 Русский биограф. словарь. М.: Русское историч. об-во, 1914. С. 2.

3 Haas F. Ma visite aux eaux d'Alexandre en 1809 et 1810. A Moscou: de l'imprimerie N.S. Vsevolozhsky, 1811. P. XXII.

4 Кони А.Ф. Федор Петрович Гааз. Биограф. очерк. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1904. С. 43.

5 Там же. С. 40-42.

6 Копелев. Цит. соч. С. 109.

7 Копелев. Цит. соч. С. 111.

8 Колтоновская Е. Святой доктор // Юный читатель, 1904, № 4.

9 Достоевский Ф.М. Идиот. М.: Худож. лит-ра, 1983. С. 385.

10 Гааз Ф.П. Мое путешествие на Александровские воды. Предисл. Ставрополь: Кн. изд-во, 1989.

11 Гааз Ф.П. Призыв к женщинам. М.: Тип. Кушнерева, 1897. С. 11-12.

12 Там же. С. 8, 31.

13 Там же. С. 12.

14 Гааз Ф.П. А.Б.В. христианского благонаравия. М.: Тип. А. Семена, 1839. С. 18.

15 Гааз Ф.П. Призыв к женщинам... С. 50.

16 Там же. С. 15.

17 Там же. С. 16, 41, 46.

18 Там же. С. 12-13.

19 Там же. С. 19-20.

20 Там же. С. 27.

21 Там же. С. 28, 29.

22 Там же. С. 34.

23 Там же. С. 34, 40, 42.

24 Там же. С. 36.

25 Гааз Ф.П. Мое путешествие... Предисл.